

СОДЕРЖАНИЕ

1. Как лечить чужой невроз при помощи самоанализа	5
2. Одеяльце малыша Линуса и обрывки ткани	24
3. Спор о половой принадлежности книг	42
4. Священный параллелепипед	60
5. Пикник на обочине у пропасти	84
6. Фрагменты речи много-раз-влюбленного	99
7. Книга-бумеранг	115
8. Психопатология обложек	137
9. Своя чаша	160

10. Паранормальная активность	
в книжном шкафу	176
11. Все мы рождаемся в кожаном переплете	191
12. Демон по имени Цундоку	208
13. Короткое замыкание, или Когда книги сталкиваются с жизнью	227
14. А что в конце?	248
15. Будда в мотоциклетной коляске	264

Первая заповедь: «Не выбрасывай». Вы когда-нибудь пробовали выкинуть даже самую паршивую книжонку в мусорное ведро? В ту секунду, когда вы уже соберетесь выпустить ее из рук, вы точно ощутите сверхъестественную силу, которая удерживает вас от этого. Она даже сильнее, чем воля ангела, остановившего уже занесенную руку Авраама, когда тот готовился убить своего сына Исаака. И как бы мы ни пытались рационально объяснить происходящее (то есть запихнуть ваши неврозы и тревоги в разумную оболочку), очевидно одно: это рефлексное действие, завязанное на суеверии.

Приведу свидетельство одной прямодушной и бесхитростной дамы из Филадельфии. Ее зовут Хелен Ханфф, она писательница, известная в первую очередь перепиской, которую вела в течение двадцати лет с букинистом из Лондона по имени Фрэнк Доэл, пока тот не скончался в 1969 году. Их письма были изданы под названием «Чаринг Кросс Роуд, 84», а затем по мотивам этой истории сняли фильм с Энн Бэнкрофт и Энтони Хопкинсом. Но зачем же я вдаюсь в такие подробности! Если вы, как и я, читатель, страдающий неврозом, вы уже и так знаете об этой книге, да и о фильме тоже. Никому и в голову не придет всерьез сомневаться, что Хелен Ханфф любила читать. Однако посмотрите, что она писала букинисту Доэлу 18 сентября 1952 года:

Каждую весну я делаю генеральную уборку в библиотеке и избавляюсь от книг, которые не буду читать: точно так же я выбрасываю старые вещи, которые больше не собираюсь надевать. Это вызывает у всех вокруг жуткое возмущение. Мои друзья странно обращаются с книгами. Они читают все бестселлеры, проглатывают их как можно быстрее (и, думаю, пропускают при этом немало страниц). А еще они НИКОГДА не перечитывают книгу во второй раз, поэтому через год уже не помнят ни слова из нее. И при этом, как только они видят, что я выбрасываю книгу в мусорную корзину или отдаю ее кому-то, то страшно негодуют. По их мнению, нужно делать так: покупаешь книгу, читаешь ее, ставишь на полку и больше не открываешь до конца своих дней... но НИ ЗА ЧТО НЕ ВЫКИДЫВАЕШЬ! ОСОБЕННО, ЕСЛИ ОНА В ТВЕРДОМ ПЕРЕПЛЕТЕ! С чего это?! По мне так, нет ничего менее святого, чем дурная или даже посредственная книга.

Так говорит читательница без невроза. Запрет на пребывание в мусорном баке — ничем не обосно-

ванная привилегия, которую мы ни за что не согласимся предоставить другим категориям товаров. Выбросить можно что угодно: изношенную одежду, испорченную еду, перегоревшие лампочки, вышедшую из моды мебель, стопки газет, бесполезные предметы, которые захламляют пространство и не приносят радости. Но книги — нет. Книги нужно хранить, и если мы вдруг обнаружим, что кто-то кучей свалил их в мусорный контейнер, то поймаем себя на неприятном ощущении: если это не святотатство, то по крайней мере какая-то нелепица. Примерно как найти обувь в холодильнике.

Так на какой же условный черный день мы, точно муравьи, делаем эти запасы, складуем вещи, которые нам никогда не понадобятся? И если уж они могут принести пользу (чего, однако, не произойдет, мы сами это отлично знаем), то зачем тогда нужны общественные библиотеки? Сложи их в коробку и убери на чердак, скажут самые робкие из нас, ведь они уверены, что нашли компромиссное решение. Только вот на безжалостном языке доктора Фрейда компромисс — признак невроза. Сколько раз в жизни мы действительно доставали книгу, погребенную неизвестно где в одной из покрытых пылью коробок? Маневр с чердаком — своего рода уловка, вроде «временного расставания» в паре, когда чувства уже иссякли, но к такому поведению нас толкает чувство вины. Дорогой географический ат-

лас издательства «Де Агостини» 1992 года выпуска, я решил порвать с тобой, но не могу открыто признаться тебе в этом.

И все же я, один из невротичных читателей в окружении себе подобных, горазд болтать, но отнюдь не настолько же хорош в деле: точно как мать маленького краба из басни Эзопа, которая требовала от сына ходить прямо, а не боком. Я сохранил все священные параллелепипеды, что накопил за свою читательскую жизнь: учебники, пользовательские инструкции для техники, как правило, уже десятки лет как вышедшей из обихода, разнообразные бесплатные приложения к газетам — например, первые выпуски энциклопедий (теперь я знаю всех людей, чьи фамилии начинаются на букву «А»), книги в двух или даже трех экземплярах... Эти и другие простейшие организмы плодятся на чердаке в родительском доме, они словно зависли в промежуточном пространстве — где-то между вечностью и исчезновением. Думаю, описать это место можно только образными выражениями из «Тибетской книги мертвых».

В романе «Загубленная чтением» американская писательница Линн Шарон Шварц рассказывает о мучениях, которые ей довелось пережить, будучи невротической читательницей. Она приговорила всего одну из своих книг — «слишком ужасную, чтобы жить на свете» — к изгнанию в мусорное ве-

дро. Лучше бы она этого не делала. «Весь день меня мучила мысль о том, как это книга лежит посреди куриных объедков и косточек от оливок. Я пять или шесть раз вытащила ее и положила обратно, как палач, которому совесть не позволяет привести в действие смертный приговор. В конце концов я поставила ее на полку где-то на верхотуре, чтобы больше ее не видеть». Ничего себе сцена — прямо как в рассказе Эдгара По «Сердце-обличитель». В нем убийце кажется, будто он слышит сердцебиение своей жертвы: звук исходит из-под половиц, оттуда, где он спрятал труп, — и несчастный в итоге сходит с ума.

Сознаюсь, я сам всего раз в жизни смог воспротивиться этой отжившей традиции и по-настоящему нарушил запрет. Я выбросил в мусорку книгу какого-то телевизионного деятеля, на которого мне было искренне наплевать, — настолько отвратительное чтиво, что и сам автор (а он, скорее всего, даже не писал ее!) не решился бы ее прочесть. И все же... все же воспоминание о совершенном преступлении годами преследует меня. Думаю, однажды я снова куплю эту книгу — два или три экземпляра, — чтобы усмирить гнев священного параллелепипеда.

Вторая заповедь: «Не забрасывай». Некоторые невротичные читатели никак не могут избавиться от влияния этой заповеди, и если уж они решаются

бросить чтение на середине, то их захлестывает чувство вины. По отношению к автору, к себе самим, но в первую очередь — к великому предмету поклонения. Салман Рушди рассказывал о парне, который завел привычку целовать каждую книгу, которую он решался бросить, чтобы тем самым попросить прощения за свой неуважительный поступок. Конечно, это звучит крайне поэтично. Но если же мы захотим рассмотреть его поведение с эволюционистской точки зрения, расположить его на лестнице прогресса, вроде той, что предлагает Тайлор, оно отнюдь не отвечает привычкам нашего времени. Скорее, такое под стать охотникам эпохи палеолита, которые, убив зубра, со всех ног бежали вымаливать прощение у богини-покровительницы животных. Однако это проявление невроза, связанное с завершением процесса чтения, до сих пор довольно сильно распространено.

Анни Франсуа, редактор одного парижского издательства, провела всю жизнь среди книг. И только подойдя к пятидесятилетнему рубежу, она почувствовала себя достаточно свободной, чтобы позволить себе бросить и не дочитать плохое произведение. До того, как она обрела это право, пишет женщина в так называемой «автобиблиографии» под названием «Читательница», ее преследовал «древний порок, присущий иудаистам и христианам: гипотетическое возмездие заставляло меня терпеть и мучаться до конца».

Читатель, о милый читатель, на что ты меня покинул?.. Очевидно, этот жалобный стон принесенной в жертву книги резал ей уши, прямо как бляющие агнцев казалось невыносимым доктору Кларисе Старлинг из «Молчания ягнят». Даже самым презренным рукописям, присланным в ее редакцию, Анни Франсуа отдавала дань уважения и изучала их полностью. И с книгами, которые она читала ради удовольствия у себя дома, дело обстояло не лучше: «Когда случалось, что меня с первых же строк одолевала смертельная тоска, я все равно доходила до конца. В этом плане я тоже стала вести себя смелее: если книга не захватила меня спустя тридцать страниц, я ее бросаю». И сделав это, Анни с удивлением понимает, что мир, как ни странно, не рушится. Даже более того, признается она: «Меня охватывает своего рода безграничное ликование. Чувство освобождения — куда более сильное, чем то, какое можно испытать, закрыв ту или иную великую книгу». Да-да, мы это усвоили еще в старшей школе, благодаря Леопарди и Шопенгауэру: наслаждение — это конец страданий. Но восторг, описанный Анни Франсуа, слишком уж преувеличен, чтобы психоаналитик не заподозрил неладное. Она освободилась не только от дрянной книжонки, но и от внушенного ей неврозом поклонения священному томику.

Для объяснения этого табу люди находят множество рациональных причин. Зачем вообще упи-

ратся и обязательно дочитывать книгу? Одни приводят доводы, отдающие одновременно соображениями о бережливости и правильном пищевом поведении у детей. Это такие внутренние отзвуки материнского голоса, который говорит тебе: не встанешь из-за стола, пока не доешь. Со стороны это звучит примерно как: «Я только что начал читать первый том одной трилогии, это дистопия, смешанная с детективом, научной фантастикой и политическими отсылками, всего 2200 страниц, весит она 4,8 килограмма, тягомотина жуткая, помереть и то приятнее, но я ведь потратил 18 евро и 50 центов, так что должен дочитать до конца — все три книги!» Если присмотреться, это рассуждение кажется результатом удивительных арифметических вычислений, которые можно интерпретировать следующим образом: «Я потратил деньги впустую, а теперь, чтобы сравнять счет, я должен еще и впустую потратить время». Если это не рассуждения человека с неврозом, я даже не знаю, что это.

Другие люди придаются более изощренным попыткам найти в этом рациональное зерно: они тщетно хотят приписать свои странности Плинию Старшему. Все из-за одного несчастного высказывания, которое он вбил в голову Плинию Младшему, тот передал Бебию Макру, а благодаря ему оно перешло к потомкам. *Nullus est liber tam malus, ut*

non aliqua parte prosit — «Ни одна книга не плоха настолько, чтобы ты не мог частично извлечь из нее пользу». Во-первых, мне кажется неосмотрительным умалчивать о том, что в I веке нашей эры в мире было несколько меньше книг, чем сейчас. Никто не мог предугадать, что на нас обрушится печатное извержение гораздо большей мощи, чем то, которое устроил Везувий и в котором погиб сам Плиний. Я в разумной мере убежден, что если бы старшего из этой династии эрудитов посетило бы пророческое видение и он бы узрел лавовые потоки бумаги и чернил, которые каждую неделю заливают прилавки наших книжных магазинов, то спешно отрেকся бы от своего неосторожного высказывания, оспорил бы его или даже обругал.

Третья заповедь: «Не зевай». Вот что пишет Евагрий Понтийский, византийский монах, живший в IV веке:

Тот, кто подвержен унынию во время чтения, часто зевает и легко засыпает, он трет лицо, вытягивает руки, поднимает глаза от книги и смотрит в стену. А когда снова берется читать, старается без толку, пытаясь раз за разом понять смысл слов, он считает страницы, смотрит, сколько на них текста, ругает

почерк переписчика и разные украшательства. В конце концов, закрыв книгу, он кладет на нее голову и спит, но наверняка не глубоким сном, потому что голод берedit ему душу — и все тревожнения возвращаются.

Не стоит ошибочно считать это описание хоть и насмешливым, но дружелюбным: уныние — смертный грех и, кроме того, один из восьми помыслов, внушаемых бесами, — о них и рассказывает в своем трактате Евагрий.

Среди книголюбов по-прежнему бытует определенное нежелание признаваться в том, что им скучно — особенно если речь идет о книгах, которые большая часть общественности считает важными, выдающимися, обязательными к прочтению. Симптом этого сопротивления — подавление зевоты, однако этот термин взят не из работ Фрейда, а появился благодаря шутке одного из его заклятых врагов — сторонника идей Бенедетто Кроче, литературного критика Франческо Флоры. Он один из тех философов-идеалистов, которые отнеслись к психоанализу со смесью недоверия, непонимания и неприкрытого отторжения — именно так они глядели на новое, с виду весьма подозрительное учение. Это произошло в то время, когда оно прибыло в Италию через

Триест, разложило чемоданы и попыталось прижиться в крупных городах, тогдашних культурных центрах. В 1934 году в своем безжалостном и полном нравоучений «Прощании с Фрейдом» Флора иронически высказался о половой неразборчивости психоанализа как подхода:

Если завтра кто-нибудь решит создать психологическую теорию с целью доказать, что подлинная цель человеческой жизни — разразиться чередой зевков, и что подавление зевоты — корень всех зол (ведь одно из правил поведения в приличном обществе — стараться не зевать на людях, а потом зевота мстит нам, принимая форму невроза). А еще, что акт соития — аллегорическая форма зевоты, и сон — тоже подавленная зевота... в общем, все аргументы хороши, при условии, что они встраиваются в наукообразное повествование.

Жаль, что Флора не стал дальше разматывать этот клубок теории, а использовал его лишь в качестве примера, и то исключительно в саркастическом тоне: по мне, так он мог бы вытащить оттуда ценные нити рассуждения. Когда мы, читатели, подчиняемся жестокому и безрассудному Закону

(см. вторую заповедь — «Не забрасывай»), наше подсознание сопротивляется и выражает протест в форме зевоты. В этих нормах поведения явно сквозит представление о чтении как о своего рода мрачном и полном запретах богослужении. Только в культуре, в глубине своей основанной на принципе подавления зевоты, могло родиться такое понятие, как *guilty pleasure*, то есть тайное, постыдное удовольствие. Например, прочесть увлекательную, но осуждаемую обществом книгу — мы тайком берем ее с собой в постель, но никогда не решимся появиться с ней на людях. В общем, эдакий бестселлер с репутацией продажной женщины.

В 1962 году Джованни Руссо опубликовал в журнале «Настоящее время» краткое содержание посиделок с друзьями и коллегами и их застольной дискуссии о нравах и обычаях литературного мира. Они задались вопросом, имеет ли Скука «право восседать рядом с Музами», а еще — как так вышло, что критики и авторы рецензий странным образом смущаются и не желают признавать скучность книги мерилom ее художественной ценности. Вот что сказал один из собравшихся:

Я спрашиваю себя: неужели критиков никогда не одолевает скука? И вообще, что такое скука, если не истощение, отчуждение, увядание, которое испыты-

вает читатель в глубине души, теряя способность чувствовать произведение искусства, взаимодействовать с героями, наслаждаться их выдуманной жизнью? То, что влиятельные критики с суровым порицанием не обрушиваются на скучные книги, — крайне порочная практика.

Таковы печальные последствия третьей заповеди. Ее авторитет уже начинает ослабевать: ее настигает нетерпение, свойственное капризным читателям — тем, кто требует, чтобы их непременно развлекали. Однако «подавление зевоты» по-прежнему живет на страницах газет, посвященных культуре, и больше всего — в текстах рецензий. Когда какой-нибудь критик хочет намекнуть, что ему было до смерти скучно, но он боится в этом признаться в первую очередь самому себе, он прибегнет к самому пустому, невыразительному и надуманному эпитету. В нем мы можем разглядеть симптомы невроза — это своего рода компромиссное решение, выбор между не знающим дисциплины бессознательным (Оно) и тем, что предписывает нам отвечающее за культурные установки Сверх-я. Этот эпитет — «интересный». Представляю, как должен почувствовать себя молодой писатель, когда его хвалят за «интересное начало творческого пути»: примерно так же, как не слишком привлека-